

Р. Б. Г. ЛОККАРТ

<«Его энтузиазм заразителен, его гордость революцией безгранична»>

<Фрагменты>

Во всем кабинете был только один человек, обладающий какой-то силой. Это был кандидат Советов — Керенский, министр юстиции. Революция сокрушила моих прежних друзей либералов. Приходилось искать новых богов.

Первую мою встречу с Керенским устроил князь Львов. Это была лучшая из возможных рекомендаций. Как большинство социалистов, Керенский уважал Львова как за его честность, так и за все, сделанное им для русского народа. Я получил приглашение к завтраку.

В назначенный час мои сани остановились у Министерства юстиции, я поднялся наверх по парадной лестнице, где еще три недели назад царили чопорные церемонии старого режима, и вошел в приемную, наполненную толпой солдат, моряков, служащих, студентов, курсисток, рабочих и крестьян, терпеливо ожидающих своей очереди, как ждут в хлебных очередях на Литейном или на Невском.

Я пробрался через эту толчею к усталому, издерганному секретарю.

— Вы хотите видеть Александра Федоровича Керенского? Совершенно невозможно. Придется прийти завтра.

Я терпеливо объясняю, что приглашен к завтраку. Голос автоматически прерывает: — Александр Федорович уехал в Думу. Понятия не имею, когда он вернется. Сейчас вы сами знаете...

Он пожимает плечами. Не успел я изобразить на лице разочарование, как в толпе начинается волнение. «Расступись! Расступись!» — кричат солдаты. Два нервных, очень молоденьких адъютанта расчищают проход, и Керенский крупными энергичными шагами приближается ко мне. Лицо его мертвенно бледно, даже желтовато.

Узкие монгольские глаза устали. С виду кажется, что ему физически больно, но решительно сжатые губы и коротко стриженные под бобрлик волосы создают общее впечатление энергичности. Он говорил короткими, отрывистыми фразами, делая легкие, четкие движения головой. На нем черный, похожий на спортивный, костюм, одетый поверх черной русской блузы. Он берет меня за руку и ведет в свое личное помещение, и мы садимся завтракать за длинным столом, человек на тридцать. Мадам Керенская уже завтракает. Рядом с ней Брешковская, бабушка русской революции, и крупный крепкий моряк Балтийского флота. Люди входят и выходят, когда хотят. Завтрак наспех, по-видимому, для всех желающих. Керенский все время говорит. Несмотря на правительственный декрет о запрещении спиртных напитков, на столе вино, но сам хозяин на строгой диете и не пьет ничего, кроме молока. Всего несколько месяцев назад ему удалили больную почку, но его энергия неугасима. Он вкушает первые плоды власти. Ему уже мешает давление, производимое на него союзниками. <...> Несмотря на это, он в хорошем настроении. Его энтузиазм заразителен, его гордость революцией безгранична. «Мы делаем то же самое, что вы делали несколько столетий назад, но мы пытаемся сделать это лучше — без Наполеона и Кромвеля. Меня называют сумасшедшим идеалистом, но благодарите Бога за идеалистов в этом мире». И в эту минуту я готов благодарить Бога вместе с ним.

<...> Керенский стал жертвой буржуазных упований, расцветших благодаря его недолгому успеху. Он был честен, если не велик, искренен, несмотря на ораторский талант, и для человека, превозносимого в продолжение четырех месяцев как божество, сравнительно скромно. С самого начала он вел безнадежную борьбу, пытаясь загнать обратно в окопы нацию, уже покончившую с войной. Под перекрестным огнем большевиков слева, на каждом перекрестке и в каждом окопе кричавших о мире, правых и союзников, требующих восстановления порядка царскими методами, у него не оставалось шансов на победу. И он пал, как пал бы любой, попытавшийся сделать то же самое.

И все же в продолжение нескольких недель казалось, что его ораторский талант совершил чудо и что его нелепая вера в благоразумие русского народа (разделяемая всеми эсерами и большинством либералов) может оправдаться. Ибо Керенского следует считать одним из величайших в своем роде ораторов в истории. В его выступлениях не было ничего обаятельного. Его голос огрубел от постоянного крика. Он мало жестикулировал — удивительно

мало для славянина, но он владел речью и говорил с покоряющей убежденностью. Как отчетливо я помню его первый приезд в Москву¹. Это было, кажется, вскоре после назначения его военным министром. Он только что вернулся из поездки по фронту. Он выступал в Большом театре² <...>. Керенский был первым политическим деятелем, выступающим на этой знаменитой сцене <...>. В этот день громадный театр был набит до отказа. В Москве зола русского патриотизма была еще тепла, и Керенский пришел, чтобы снова раздуть его пламя. Генералы, высшие чиновники, банкиры, крупные промышленники, купцы с женами занимали партер и ложи бельэтажа. На сцене представители Советов солдатских депутатов. На авансцене, как раз над суфлерской будкой, соорудили небольшую кафедру. Обычное десятиминутное опоздание, и по залу пошли толки: Александр Федорович болен, новый кризис отозвал его в С.-Петербург. Потом шумок разговоров сменился взрывом аплодисментов, и из-за кулис показалось бледное лицо военного министра; он направлялся к кафедре. Все встали. Керенский поднял руку и сразу заговорил. Он выглядел больным и усталым. Он вытянулся во весь рост, как бы собирая последний запас энергии. И с нарастающей силой начал излагать свое евангелие страданий. Ничего не достигнешь без страданий. Сам человек рождается в муках. Величайшие революции мира начались с Голгофы. Можно ли думать, что наша революция окрепнет без страданий? От царского режима мы получили в наследство громадные трудности — разваленный транспорт, отсутствие хлеба, отсутствие топлива, но русский народ умеет страдать. Он (Керенский) только что вернулся из окопов. Он видел людей, месяцами живущих по колено в грязи, в воде. Они обовшивели. Целыми днями у них нет ничего, кроме корки черного хлеба. Нет оружия для самозащиты. Они месяцами не видят своих жен. И все же они не жалуются. Они поклялись выполнить свой долг до конца. Ропот слышен только в Москве и С.-Петербурге. И от кого же? От богачей, от тех, кто в шелках и золоте пришел сюда, чтобы в комфорте послушать Керенского. Он обвел глазами ложи бельэтажа, страстными отрывочными фразами он довел себя до иступления. Неужели они превратят Россию в развалины, будут виновны в позорнейшей в истории измене, в то время как покорные бедняки, имеющие все основания жаловаться, все же держатся? Ему стыдно за апатию больших городов. Что они совершили такого, чтобы чувствовать усталость? Неужели они не могут потерпеть еще? Он приехал в Москву с поручением от тех, кто в окопах. Неужто

ему придется вернуться к ним и сказать, что их усилия тщетны, ибо люди в «сердце России» потеряли веру?

Окончив речь, он в изнеможении упал назад, подхваченный адъютантом. При свете ramпы его лицо казалось мертвенно-бледным. Солдаты помогли ему спуститься со сцены, пока в истерическом припадке вся аудитория повскакала с мест и до хрипоты кричала «ура». Человек с одной почкой, человек, которому осталось жить-полтора месяца, еще спасет Россию. Жена какого-то миллионера бросила на сцену свое жемчужное ожерелье. Все женщины последовали ее примеру. И град драгоценностей посыпался из всех уголков громадного здания. <...> Речь продолжалась два часа. Ее действие на Москву и всю Россию продолжалось два дня. <...> Керенский явился символом необходимой интермедией между царской войной и большевистским миром. Его поражение было неизбежно. <...>

